

Планета по имени Ирма

Хрупкая юная девушка, жаждавшая любви и счастья... Восходящая звезда Ирма Голодяевская. Ей прочили мировую славу... Советская студентка поверила XX съезду и тому, что можно выпрямить спину и дышать свободно... Как поётся в ныне популярной песне, она подумала, что это весна. А это была только оттепель.

Геннадий Дёмочкин

Из автобиографии:

«Я, Голодяевская Ирма Михайловна, родилась в г. Киеве 28 октября 1931 г. в семье военнослужащего. Мать по профессии политпросветработник. В связи с переводами отца из воинских частей наша семья жила в городах УССР: Черкассах, Лубнах и Харькове. Учиться начала в 1939 г. в Харьковской 79-й средней школе.

В 1941 году эвакуировалась с матерью в Ульяновск. Отец с начала и до конца войны находился в действующей армии.

Оксана Васильевна Шавкунова:

– В Ульяновске, куда забросила Голодяевских война, Ирма жила только с мамой; родители разошлись, у отца образовалась новая семья...

Военное лихолетье... Полутёмная школа в тесном, мало приспособленном здании, с неизменной двухсменной, несытный стол, мама много работает, дома бывает мало. Обычное военное детство в тыловом городе, ещё осложнённое тем, что они эвакуированные, беженки, вынужденные снимать жильё.

Аня Скворцова

(Анна Дмитриевна Сергушина):

– Я хорошо помню появление новенькой в нашем классе. Это была Ирма. Она пришла к нам где-то в середине года и сразу же стала своей. В классной комнате в школе на Льва Толстого стояло пианино, за которым на переменах часто можно было видеть Лилю Гончарову. Она играла, а Ирма под её аккомпанемент подпевала.

Меня, 12-летнюю девочку, пришедшую в 5-й класс из сельской школы, восхищал инструмент, из которого девочки, мои сверстницы, извлекали звуки, складывающиеся в чудесные мелодии, восхищали и сами девочки, умеющие играть и петь...

• Подпись Калерии Семёновны кому-то из родственников: «Ирма для меня самое дорогое. Дорогое дорогим. 23. III. 55. Лера»

В. Кондратьева:

– Она была шатенка, белокожая, гибкая... Глаза всегда улыбались. Даже искрились, так, как сквозь слёзы счастья, как будто она так радостна оттого, что видит вас...

Её мама, Калерия Семёновна, была неразлучна с моей мамой, и редкий день проходил без неё у нас дома. Они вместе работали, у обеих не сложилось замужество, сами нас воспитывали... Обе они любили и умели петь. Вот обычная картина детства: пришла Калерия Семёновна с Ирмой, значит, стелем постель – как же не заночевать! И – обязательно – пенье! Мама с Калерией Семёновной, Лерой, как она её звала, садились на кухне и затягивают своё, любимое. Уже и дети, то есть мы, заснули (нас трое было), и ночь на дворе, а они всё не унимаются. И частенько заканчивалось это всхлипами обеих.

«Ульяновская правда»,
18.11.1995 г.

• Ирма на каникулах с друзьями в Ульяновске. Лето 1950 года

Куда он ушёл?.. 19.VII.51

**Рая Антонова
(Раиса Петровна Дешина):**

– Я с Ирмой познакомилась через Нину Смирнову, с которой она дружила. Оказалось, что мы с Ирмой жили совсем рядом: я – против бывшего мужского монастыря, на углу улиц 12 Сентября и Карла Либкнехта, Ирма – через дорогу от Колючего сада в сторону Свяги... Комната была небольшая, вся залитая солнцем. Простая, железная кровать, очень аккуратно и гладко заправленная во что-то белое. И что меня удивило: на белоснежной подушке, поставленной на ребро, красовалась зелёная военная фуражка... Ирма достала отцовскую гимнастёрку, ремень, сапоги, нарядилась во всё это; волосы заправила под заветную фуражку, и мы помчались через дорогу к нам. Мы тоже жили в маленькой комнате, но хозяйка разрешала заходить в её зал. И вот тут-то Ирма танцевала и пела, изображая что-то удалое, русское. Мы с мамой были зрителями.

Нина Сергеевна Смирнова:

– С детства, с тех пор, как стала задумываться над смыслом жизни, почти инстинктивно стала создавать мир гармонии, высоких чувств, любви. Кто мог разделить эти чувства? Кто мог понять их? Мне посчастливилось. Такой человек был. Ирма...

Солнечный холодный апрель 45-го... После скучных, каких-то тоскиво длинных уроков возвращаемся домой, стараясь поскорее забыть о школе. Говорим о прекрасном, влюблены в героев Дюма, Вальтера Скотта, Майн Рида, Гюго... А кинофильмы!

Сколько прелестной романтики в таких, как «Весенний вальс», «Сестра его дворецкого» с потрясающим обаянием Дины Дурбин! А Штраус, «Большой вальс» с волшебницей Милицей Корьюс. Обо всём этом говорили с восторгом...

Ирма была соткана из высоких начал... В один из таких солнечных апрельских дней мы говорили о заданном сочинении. Нас просили подумать над темой «Ледоход на Волге». Не очень она нас привлекала, но писать-то надо! Решили пойти на Венец, посмотреть на ледоход издали... И каким же всё оказалось прекрасным! Весна, Волга, солнце, небо! Спустились к берегу. С шумом ломались громадные льдины, ослепительно сверкал лёд, весенний ветер гулял легко и свободно...

Ирма была частицей этой просыпающейся жизни. Она пела, как бы обращаясь к Волге, солнцу и ветру любимейшей ей песенкой из кинофильма «Сердца четырёх»...

Она беспечно пела о чужой любви. Вскоре влюбилась и сама... Как-то случилось, что обе мы впервые влюбились в своих ровесников, двух друзей, которые постоянно вдвоём по нескольку раз в день проходили мимо нашего дома. Как же они были хороши! Мы издали наблюдали за ними, отождествляя их с любимыми героями фильмов. Ирме нравился синеглазый красивый мальчик с золотыми вьющимися волосами. За осанку, манеры она назвала его Графом...

Однажды Ирма задержалась у меня до позднего вечера. Как-то неожиданно разразилась сильнейшая июльская гроза, и Ирма осталась ночевать. Мы лежали на полу на террасе, по крыше стучал дождь, поминутно громыхал гром, глаза слепили молнии, а мы... смеялись, смеялись всему и ничему, просто от счастья жизни! Это была особенная ночь: оглушительные удары грома и наш безудержный счастливый смех... до рассвета.

Ирма на каникулах в Ульяновске. Лето 1953 года

Тома Поручикова
(Тамара Васильевна Кретьева):

– Как будто стоят перед глазами две Ирмы: одна – озорная, задорная, бурно выплёскивающая кипящую в ней энергию. Другая – немного отрешённая, сосредоточенная, как бы прислушивающаяся к своему внутреннему миру... Аристократизм – врождённый и приобретённый...

В школьные годы у нас сложилась дружеская компания: Аля Орловская, Ира Александрова, Лиля Коробова, Ирма, время от времени кто-то ещё. Собирались обычно у Али или у Лили Коробовой. И у той, и у другой были бабушки, обе поощряли нашу дружбу и даже близко к сердцу принимали девчоночьи дела.

В тёплое погожее время года мы частенько убегали на Венец, собираясь обычно вблизи парка имени Свердлова, у филармонии. Это был наш любимый уголок. Здесь Ирма часто пела, и мне вспоминается её пение именно здесь, на просторе крутого волжского берега... Когда Ирма начинала петь, не надо было просить: «Спой, Ирма, ещё». Она пела сама, увлечённо, со всей широтой души и безбрежностью таланта, вся отдаваясь песне, не замечая ничего вокруг. Пела как птица, как соловей – жила в песне...

Галя Соловых
(Галина Серафимовна Волк):

– Была Ирма душой и кумиром не только своего класса, но и всех старшеклассников школы. Ирма знала невероятное количество песен, мне казалось, она никогда не уставала петь. Её мы слушали с замиранием сердца, и всё прекрасно было в её исполнении: и современные песни тех лет, и арии из опер и оперетт, песню Леля из «Снегурочки», партию Лизы из «Пиковой дамы», знаменитую «Хабанеру», русские романсы «Я встретил вас», «Не искушай меня без нужды...», песни из кинофильмов с Лолитой Торрес. А какие шли в то время на экранах фильмы! «Большой вальс», «Серенада солнечной долины», «Великий Карузо» и русские – «Сказание о земле Сибирской», «Волга-Волга», «Девушка с характером». Столько мелодий, столько песен! Пела Ирма очень тепло, очень артистично, отдавая пению всю душу...

Ирма Голодяевская –
Нине Смирновой:

«...оказывается, мне Граф дороже, чем я думала. Я думала, что смогу быстро забыть о нём, но... увы! Это безуспешно, к сожалению. Я просто не знаю, что мне делать. Не представляю.

Он мне как будто и не так дорог был, но только стал возможен отъезд, он мне стал необыкновенно дорог и близок. Сердиться на него я не могу, обижаться тоже. Я боюсь потерять его, хотя он мною ни капли не интересуется».

Людмила Васильевна Сергеева:

– А как Ирма пела! Ни один вечер в школе не проходил без её песен. Слёзы выступали на глазах, когда на вечере в честь 23 февраля она исполнила «Заветный камень» Б. Мокроусова... В песне Ирма преображалась, это была птица в полёте в ясную погоду. Пела она проникновенно, её хотелось слушать и слушать.

Помню заключительный концерт одной из городских школьных олимпиад в драматическом театре вскоре после зимних каникул. Минуту назад прозвучал дуэт Лизы и Полины в исполнении Ирмы и Лили Гончаровой. Зал захлёстывают аплодисменты, мы скандируем: «Го-ло-дяев-скую!!!», а занавес неумолимо опускается вниз. Тогда я срываюсь с места и через весь зал лечу на сцену, к ведущим: «Вы слышите, как гудит зал, просят на бис Голодяевскую, почему не даёте ещё спеть?!» – «Потому что концерт окончен», – безжалостно говорит ведущая и выходит в зал объявить об этом.

Оксана Васильевна Шавкунова:

– Из-за её скромности трудно было разглядеть в ней глубокую работу мысли, тем более что училась она средне, рано обозначившийся талант уводил её от скучных логарифмов, пестиков и тычинок в иные, более возвышенные сферы... Юлия Ивановна Колпакова была нашей учительницей литературы и бессменным классным руководителем в старших классах, Ирма была любимой её ученицей.

На подаренной фотографии в форме профессионально выполненной открытки у Ирмы прекрасное, одухотворённое лицо, а сама надпись звучит как завещание: «Дорогой Юлии Ивановне от бывшей нерадивой ученицы. Желаю долгой,

долгой жизни и радости. Ваша Ирма. 4/3.55 г.».

Когда Юлии Ивановне было около 80 лет, она стала слепнуть, ей предстояла сложная операция, эту открытку она переслала для хранения мне. По счастью, операция прошла успешно, Юлия Ивановна дожила потом до 98 лет, а фотография так и осталась у меня.

Нина Сергеевна Смирнова:

– Музыке мы учились вместе, у нас дома был хороший рояль. Повезло с преподавателем: ленинградка, из эвакуированных – Дора Борисовна Гуревич. Давала уроки на дому, жила поблизости. Ирма начинала подбирать мелодию по слуху... Представляете: огромные комнаты, рояль старинный, картины отца, лесенка винтовая вверх, светёлка – и книги, книги...

Жанна Сергеевна Зарецкая:

– 1949 год, 10-й класс, выпускной вечер, чудная погода, всё благоухает, и нам вручают аттестаты зрелости. Заканчивается торжественная часть, скоро концерт, и Ирма будет петь. Но ей ещё не до концерта, она вся в ожидании: должен прийти Лёва Королёв. Ирма пригласила его на вечер. Она очень волнуется и ждёт, выходит встречать, говорит, что, если он не придёт, петь она не будет.

Лёва Королёв – высокий, смуглый, красивый юноша, года на два старше нас, работает киномехаником в кинотеатре «Пионер». К началу концерта он приходит, и Ирма успокаивается. Концерт проходит с большим успехом. Ирма оживлена, счастлива, она в окружении учителей, ей советуют учиться пению, окончить консерваторию, у неё нет свободной минуты. А вечер продолжается, все веселятся, начинаются танцы. Лёва Королёв поскучал в одиночестве недолго, он приглашает танцевать других девочек.

Нонна Викторовна Мордюкова, народная артистка СССР, сокурсница Ирмы Голодяевской, в своём биографическом рассказе «Саша» описала судьбу Ирмы:

– Что вы будете читать, девушка?

– Читать? – изумлённо спросила она. – Ничего!

– Как? Вы не подготовились?

<...> Глаза Саши загорелись, она ждала подсказки...

– Давайте я лучше спою вам!

– Спойте, – согласилась комиссия, стараясь не спугнуть присевшую к ним редкую птицу.

Саша обрадовалась, улыбнулась, обнажив белые ровные зубы, приподняла брови. Потом приложила ладонь к правой щеке и, чуть склонив голову, запела... Поначалу деликатно, зная, что её голос тут не поместится, а потом – была не была! «Хасбулат удалой, бедна сакля твоя...» Низкий тембр её голоса всех заморозил. На второй песне неожиданно голос взмыл, она запела колоритным сопрано...

«Вы слышали?» «Видели? Уму непостижимо!» – понеслось по институту...»

Здесь и далее: журнал «Октябрь», № 2, 1996 г.

Татьяна Конюхова, народная артистка России:

– Когда мы поступили во ВГИК, на нашем курсе оказалась девочка с совершенно уникальными музыкальными способностями. Она, что называется, «не закрывала рта», при первой возможности подходила к фортепиано, и мы все заслушивались её пением... Сейчас, когда я уже слышала голос всемирной известной Марии Каллас, могу сказать: голос Ирмы был где-то на этом уровне.

И вот примерно через полгода учёбы этой девочке поставил «диагноз» художественный руководитель мастерской Василий Васильевич

Ванин. Он сказал ей: «Ирма, ты одарена природой такими данными, что я тебя покажу Свешникову, и ты уйдёшь из ВГИКа. Это не твоя стезя...

Записано в августе 2002 г. в Ульяновске.

Оксана Васильевна Шавкунова:

– Это, очевидно, было лето 1950-го, когда, съехавшись на каникулы после первого курса, мы, новоиспечённые студенты, небольшой группой собрались вечером у Люды Губановой... и где-то около 10 часов вечера вышли гурьбой из дома и пошли на Венец... Полюбовавшись Волгой, остановились напротив художественного музея, у лестницы (в то время ещё деревянной). И Ирма начала петь.

...Над вечерней Волгой мы услышали грудной, сильный, необыкновенно красивый низкий голос, которым она так легко владела. Мы стояли как замороженные, дивный голос расстилался широко, свободно, а Ирма пела, пела и пела... От этого пения пробирала дрожь, так широко, с такой безоглядной щедростью дарила Ирма маленькой группе друзей и всему окружающему миру свой необыкновенный талант, своё вдохновение... Этот живой, незабываемый голос Ирмы, её, наверное, полуторадвухчасовой импровизированный концерт звучит у меня до сих пор, и никакие услышанные позднее записи не могут перебить или погасить это впечатление.

Людмила Васильевна Сергеева:

– Во время учёбы во ВГИКе Ирма участвовала в съёмках фильма «Донецкие шахтёры». Она снималась в

эпизоде, а в главной роли был невероятно популярный тогда Владимир Дружников. (Он ещё заочно, по фильмам, очень нравился Ирме.) Не знаю, что у них там на съёмках произошло, но мне Нина Смирнова потом по секрету рассказала, что Ирма показывала ей медальон, в который был помещён портрет Дружникова.

Записано 21.10.2016 г. в Ульяновске.

В. Кондратьева:

– Её готовили для сцены Большого театра.

В самом деле, всё чаще, а в последнее время очень много пение Ирмы стали транслировать по Всесоюзному радио. Сначала была передача «Будем знакомы», где рассказывалось о крупных талантах, среди упомянутых имён была и Голодяевская. А затем просто сообщали: поёт Ирма Голодяевская.

Однажды я слышала только ей посвящённую большую передачу – её концерт. Представляете, сколько радости у меня было!

Константин Петрович Португалов, радиожурналист:

– В течение двух лет (1955 и 1956) Ирма сделала на радио 12 записей. Это в те годы, когда записей делалось очень мало, когда люди с именем не так легко получали на это право. Более того, будучи студенткой второго курса, она выезжает в Великобританию – опять-таки для того времени вещь неслыханная.

Из передачи «Радио России» «Недопетая песня». 1994 год.

«Вечер памяти Ирмы Голодяевской в Доме учителя. Ульяновск, ноябрь 1995 года»

Память сердца

В. Кондратьева:

– Калерия Семёновна умерла от рака. В последний раз зашла к нам, скинула с себя пальто прямо на пол и сказала: «Воздуха всей земли и неба мне не хватает...». Хоронила её моя мама...

В.Ф. Зайцева:

– Ирма очень тяжело перенесла смерть матери. Помню её у гроба отрёшенной, почерневшей. Народу на похоронах Калерии Семёновны было много, похоронили её на городском кладбище (на улице К. Маркса).

Татьяна Конюхова, народная артистка России:

– В Лондоне был какой-то конгресс педагогов всего мира. И вот обратились к Ирме, чтобы она, так сказать, поддержала марку советского образования. Она поехала в Лондон.

*Записано в августе 2002 г.
в Ульяновске.*

Актёр Юлиан Панич

Юлиан Александрович Панич, актёр, режиссёр:

– Она пела в Лондоне на сцене Ковент-Гарден арии Кармен и Далилы. Успех имела грандиозный. Ирму подвели к королевской чете, молодая Елизавета Вторая через переводчика говорила с ней. Только с ней одной из всей делегации. Только ей королева передала букет цветов.

Народный художник России Виктор Сафронов и его «Портрет певицы».

Перед отъездом в Англию.
Середина июня 1956 года.
Москва

Татьяна Конюхова, народная артистка России:

– Когда Ирма выступила в Лондоне, то, во-первых, сразу заговорили на уровне всемирно известного театра Ковент-Гарден. Во-вторых, в неё влюбился англичанин, который «просто лёг у её ног». Он возил её по городу, всё показывал, уговаривал её остаться. И она опоздала на самолёт, на котором вся делегация возвращалась в СССР. Но она вернулась вместе со всеми.

Тут за неё взялась организация – КГБ. И Ирма не выдержала...

*Записано в августе 2002 г.
в Ульяновске.*

Юлиан Александрович Панич, актёр, режиссёр:

– Когда делегация вернулась в СССР, прошёл по консерватории слух, что студентка Ирма Голодяевская приняла приглашение королевы Елизаветы приехать на гастроли в Ковент-Гарден. Другие говорили: остаться там навсегда. Ирму начали вызывать на беседы в бюро комсомола и к куратору из КГБ. Вокруг неё образовалось кольцо отчуждения, от неё отказался жених.

Нонна Мордюкова («Записки актрисы», «Саша»):

«Мы до сих пор не знаем, что же тогда произошло...»

Саша похудела, побледнела. Машинально захаживала в театр, ненадолго – и в общежитие. Напористость допросов была по причине незнания, дала Саша согласие Лондону или нет. Мы недоумевали: разве можно так долго мытарить человека? Стала она безвылазно лежать на кровати в общежитии. Машина приезжает, увозит её – и к вечеру обратно».

Людмила Васильевна Сергеева:

– Тройродный брат Ирмы, актёр Юрий Комиссаров рассказывал, что незадолго до гибели Ирма брала в очередной раз у них книги, попросила томик Шекспира, и когда читала, красным подчеркнула строчки, касающиеся подобной ситуации. И потом, в разговоре с ним, спрашивала: «Самоубийство – это проявление слабости или мужества?».

Он говорил, что это было примерно за неделю...

Записано 27.11.2016 г.

Нонна Мордюкова
(«Записки актрисы», «Саша»):

«Вдруг ранним утром звонок:
– Нонка, скорее! Саша умерла...
Оказывается, она ночью выпила полную бутылку уксусной эссенции, стала метаться, стонать. Девчонки включили свет, напугались, бросились помочь ей. Вдруг она, громко застонав, вскочила, подбежала к окну и выпрыгнула. Пятый этаж не убил её. Бедняжка была ещё жива несколько минут и успела с виноватой улыбкой произнести: «Скажите всем, что я согласилась в Лондоне попеть».

...Замученная кровать, разобранная постель, тетради, книги, окно открытое... Она вылетела из него как птица...».

В. Кондратьева:

– Её нашли на улице, отправили в институт имени Склифосовского и там – вне очереди – сразу в операционную. Профессор узнал её, осмотрел и сказал: «Помощь не требуется».

Умирала в полном сознании. Он спросил её: «Что вас заставило, почему вы это сделали?». Она прошептала: «Так было надо». Профессор не выдержал, когда она стала умирать, выбежал – рыдал.

Это случилось в ночь с 9 на 10 октября 1956 года.

Нина Николаевна Дроголюб:

– На похороны Ирмы поехала в Москву её тётка Нина Семёновна. Тело девушки кремировали. Нина

Семёновна привезла часть праха в небольшой урне в Ульяновск, где почти тайно его закопали в могиле матери Калерии Семёновны Голодяевской на старом городском кладбище.

Светлана Романовна Шустова:

– Шёл 1961 год. Я работала в редакции областного радио. Готовя передачу «Любимые песни Ильича» (в ленинские дни), как-то увидела в нашей фонотеке небольшую пластинку, где среди прочих произведений меня привлекла «Песня Ерёмушке». «А ты знаешь, кто поёт?» – спросила меня моя коллега Лиля Коробова. И поведала мне о трагической судьбе своей одноклассницы Ирмы Голодяевской. Передача пошла в эфир, а Лиля Коробова подготовила отдельную передачу – концерт по той же пластинке и записям, которые по её запросу были присланы из центрального музыкального архива. Лиля не побоялась и сумела опубликовать в «Ульяновской правде» анонс о времени концерта...

Таким было первое возвращение великолепного Ирминоного голоса, глубокого, бархатного меццо-сопрано на земле её юности.

Оксана Васильевна Шавкунова:

– Отправной точкой, толчком к возвращению памяти Ирмы послужила прозвучавшая по «Радио России» передача Константина Петровича Португалова «Недопетая песня», посвящённая Ирме Голодяевской.

Получив кассету (запись переда-

чи), мы со Светланой Романовной Шустовой, которая вела литературный клуб при областном Доме учителя, тогда же решили одно из заседаний клуба посвятить памяти Ирмы, собрав её одноклассниц, друзей на прослушивание передачи Португалова.

И начали готовить этот вечер воспоминаний...

Константин Петрович Португалов – Нине Сергеевне Смирновой:

– 19 марта после передачи я в течение часа непрерывно отвечал на телефонные звонки сразу по двум телефонам, не простаивая ни секунды. Все отклики были эмоциональные и, естественно, только положительные. Звонили люди и никогда не слышавшие об Ирме, и те, кто её когда-то знал лично или знал что-либо о ней. Примечателен взволнованный звонок бывшего выпускника Гнесинского института, который, подчёркивая свою компетентность в вопросах вокала, утверждал, что голос Ирмы уникален...

Из всех звонков один был совершенно неожиданный – из Крыма, из местной обсерватории, с предложением назвать в честь Ирмы одну из вновь открытых звёзд или планет... Все данные об Ирме надо в спрессованном, сугубо информированном виде отправить по факсу Черных Николаю Степановичу¹...

Москва. 25 марта 1996 года

Людмила Павловна Сергеева:

– Теперь я даже не знаю, с чем можно сравнить ту часть моего детства, которая была связана с этой девушкой... Свет её образа преломился во мне и остался на всю жизнь...

Если звезду губят на земле, то она загорается на небе. Может, кто-то и думал, что она тогда шагнула в смерть, а получилось, что в бессмертие, ведь звёзды во Вселенной светят вечно, и погубить их никому не дано. Тонкая и ранимая душа её не смогла защитить себя при жизни, зато теперь она не доступна ни зависти, ни злобе, а когда люди плывут по этой жизни, то ориентиром для них служат звёзды.

Материал подготовлен по книге
Геннадия Дёмочкина
«Планета по имени Ирма»

Последний общий сбор. Одноклассницы Ирмы в квартире Оксаны Шавкуновой. Август 1998 года.

¹ Николай Степанович Черных (1931–2004), советский, российский астроном, специалист в области астрономии и динамики малых тел Солнечной системы, доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник НИИ «Крымская астрофизическая обсерватория». Лично открыл 537 малых планет. Одну из них, в созвездии Рыб, (планету № 5794) он назвал «Ирмина» в честь Ирмы Голодяевской.